

ВАСИЛЬЕВ К.К.

ДОКТОР Б.Н.АЛЕКСАНДРОВСКИЙ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ “ИЗ ПЕРЕЖИТОГО В ЧУЖИХ КРАЯХ”

Борис Николаевич Александровский - эмигрант первой волны. Возвращенец – вернулся на родину в конце 1947 г. В 1969 г. московское издательство “Мысль” выпустило его книгу *“Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта”*¹. Изданные в Советском Союзе, эти воспоминания требуют повторного прочтения. В постсоветскую эпоху оказалась доступной многочисленная литература, увидевшая свет за рубежом, появились и исследования, которые позволяют по-новому осветить тот трагический период отечественной истории, когда миллионы соотечественников вынуждены были покинуть родину. Представляет интерес и биография мемуариста. Для этого мы будем пользоваться как самими воспоминаниями (ниже при ссылке на воспоминания в косых скобках указаны страницы), так и другими источниками.

Б.Н.Александровский - коренной москвич. Его дед - И.Н.Александровский - был известным в Москве священником и законоучителем; отец - Н.И.Александровский (3/15.09.1858, Москва - 1/13.04.1900, там же) - в 1881 г. окончил Императорский Московский университет со степенью лекаря и званием уездного врача, после этого стал специализироваться по детским болезням и в начале 1887 г., после открытия детской больницы Святой Ольги на Первой Мещанской, поступил в нее младшим ординатором, заведующим приемом амбулаторных больных². В его некрологе написано: *“Посвятив всю свою жизнь тяжелому труду больничного амбулаторного врача, покойный не гонялся за практикой, не имея к этому склонности по самым свойствам своего прямого характера и, конечно, в результате умер без всяких средств”*³.

Мать мемуариста - Варвара Феодоровна Александровская, урожденная Кичкина - дочь почетного гражданина. В 1891 г. в семье Николая и Варвары Александровских появился сын Леонид. Затем, 18/30 декабря 1893 г. родился Борис, которого через шесть дней крестили в Московской Троицкой церкви при Набилковской богадельне, в связи с чем в метрической книге появилась следующая запись: *“Декабря 18 числа родился Борис, крещен 24 числа. Родители его: врач, служащий и живущий в Детской больнице Св.Ольги, коллежский асессор Николай Иванович Александровский и Варвара Феодоровна, оба православные. Восприемники: студент Императорского Московского университета Андрей Иванович Александровский и дочь протоиерея Анна Ивановна Александровская”*⁴. Таким образом, восприемниками младенца были его дядя и тетя.

Первые шесть лет жизни Бориса Николаевича прошли в детской больнице Св.Ольги, где младшему ординатору Н.И.Александровскому была предоставлена служебная квартира. После смерти отца начались скитания по частным квартирам. Мать работала учительницей музыки в двух московских женских институтах.

В 1912 г. Борис Александровский окончил с золотой медалью 6-ю московскую гимназию. Следуя семейной традиции, решил стать врачом и поступил на медицинский факультет Московского университета, который окончил с отличием весной 1916 г. с дипломом лекаря⁵. На следующий день после получения диплома был отправлен на фронт. До конца войны служил младшим врачом пехотного полка, занимавшего участок фронта в лесах и болотах Полесья. После этого, стало быть в 1918 г., вернулся в Москву, где работал экстерном в одной из клиник Московского университета. В самом конце 1918 г. был мобилизован в Красную армию и отправлен на Южный фронт в группу войск курского направления. Был главным врачом полевого передвижного госпиталя, а затем помощником дивизионного врача. Попал в плен к белым и был прикреплен к лечебным учреждениям армии Деникина.

15 ноября 1920 г. он эвакуировался с войсками Белой армии из Севастополя на пароходе “Херсон”. Автор воспоминаний подчеркивает, что посадка на корабль была “принудительна”, хотя, как мы знаем, те, кто хотел остаться - остался.

И сразу после этого автор сам себя выдает: *“Надолго ли я покидаю родную землю? В тот момент казалось - ненадолго, на каких-нибудь пять-шесть недель”* /11/. Даже в 1920 г. эвакуированные верили, что большевицкий режим все равно долго не протянет, рухнет и все вернется на родину. Однако факт эмиграции на лицо и приходится автору оправдываться, что в то время он *“не был свободен от некоторых /.../ интеллигентских шатаний, колебаний и сомнений”* /12/, и поэтому, стало быть, оказался в эмиграции.

И дальше следует удивительное признание и, на мой взгляд, точное описание мировоззрения тогдашней интеллигенции: *“во всем моем тогдашнем окружении, состоявшем исключительно из представителей столичной интеллигенции – врачей, педагогов, музыкантов, адвокатов, журналистов, не было ни одного человека, который на деле включился бы в активную революционную борьбу и оказал бы какие-либо реальные услуги революционному движению”* /12-13/. А была у этих людей *“идущая от чистого сердца идеология бескорыстного служения народу”* /13/ (подчеркнуто мною - К.В.).

Революционеров не было, а были люди либеральных взглядов, те, которые в то время входили в состав кадетской партии или сочувствовали ей. Поэтому интеллигенция с восторгом встретила Февральскую революцию и не приняла октябрьский переворот, как они его называли. Это объясняет, почему она стала в оппозицию к захватившим власть большевикам и после победы в гражданской войне красных оказалась в политической эмиграции.

Автору, конечно, пришлось нашу интеллигенцию ругательным словом обозвать и ее взгляды назвать – “прекраснодушием российских маниловых”. Сейчас мне кажется, что мемуарист шел на сознательный компромисс.

Ему важно было, чтобы его воспоминания увидели свет, и он делал уступки издательству, а в последнем хорошо прошерстили воспоминания от начала до конца, да так, что, наверное, автор и не узнал свой опус. И,

может быть, только после этого, держа в своих руках еще пахнущую типографской краской книгу, засомневался, надо ли было все это начинать.

На кораблях крымской эвакуации 1920 г. в изгнание ушло до 150 тыс. военных и гражданских. Среди них было, пишет Б.Н.Александровский, около трехсот врачей и свыше тысячи сестер милосердия. После прибытия в Константинополь (так автор называет Стамбул) началась выгрузка раненых и больных. Вместе с ними на берег сошла часть медицинского персонала “так называемые “гражданские беженцы” (кавычки автора). Но мемуарист остался с Белой армией и оказался с 30 тыс. офицеров и солдат на пустынном европейском берегу Дарданелльского пролива, на полуострове Галлиполи, около одноименного городка. *“И тогда в Галлиполи, и много лет спустя заброшенные в иные страны они продолжали верить в свою миссию “освободителей” /.../. Они окружили самих себя ореолом героизма /.../. Они создали легенду о “галлиполийском сидении”, разнесли ее по всем уголкам русского зарубежного рассеяния, а себя украсили нагрудным железным крестом с начертанным на нем словом “Галлиполи” /29-30/.*

Мне рассказали в 1995 г. в Праге, что когда в конце Второй мировой войны советские войска взяли город и начались аресты наших эмигрантов, отчаявшиеся люди шли ночью на Ольшанское русское кладбище, чтобы с надгробий сбить начертанный на них легендарный знак галлиполийца, что, конечно, не спасло родственников галлиполийцев от советских застенков.

В Галлиполи Б.Н.Александровский был младшим ординатором одного из лазаретов. Во второй половине 1921 г. с персоналом этого лазарета он оказался в Болгарии, куда из Галлиполи была принята на жительство пехота, а кавалерийские части русской армии переехали в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев⁶.

Чины Белой армии *“совсем не думали о завтрашнем дне”*, почти год в Болгарии *“пребывали в состоянии полной беспечности и ничегонеделания”*, одетые *“в превратившиеся в лохмотья френчи и шинели времен денкинской авантюры”*, *“беспросветную свою жизнь, разбитые надежды, бедность, горе и моральное одичание топили в крепкой ракии (самогоне) и в кислом и терпком дешевом вине”*. Другими словами, автор дает картину полного разложения “рыцарей белой мечты”. А *“краеугольным камнем их идеологии теперь была мечта о вооруженной борьбе не только с Советской властью /.../, но и с коммунизмом вообще в мировом масштабе” /47/.*

О “гражданских беженцах”, среди которых было “немало представителей интеллигенции”, сказано несколько по-другому, не так резко отрицательно. *“Большое число их нашло применение своим силам на болгарской государственной и общественной службе в качестве профессоров Софийского университета, агрономов, архитекторов, инженеров, врачей, музыкантов, певцов, артистов, режиссеров, чертежников, механиков и т.д.” /50/.* Болгария, широко распахнувшая свои двери изгнанникам, приобрела так нужных ей интеллигентных работников, много сделавших для приютившей их страны.

В те годы, пишет мемуарист, поступить на болгарскую государственную службу для русского врача, имевшего диплом вуза России не представляло больших затруднений. Первые восемь месяцев он заведовал русским

отделением в больнице маленького города Орхание, что в 70 километрах от Софии. Заболеваемость среди “гражданских беженцев” и военных контингентов была ужасающая. Сыпной, брюшной, возвратный тиф и дизентерия продолжали делать свое дело. К ним присоединилась малярия, как галлиполийская, так и свежая, местная. Поэтому, продолжает доктор Александровский, койки русского отделения орханийской городской больницы никогда не пустовали.

Только весной 1922 г., благодаря несколько улучшившимся, по сравнению с лагерными, условиям жизни, заболеваемость пошла на убыль, он и его “собратья по профессии” распростились с русскими отделениями местных больниц и амбулаторий и перешли на болгарскую службу. *“В те годы около двухсот русских врачей были направлены министерством народного здравия в сельскую местность” /51/.*

Началась его “окружная” служба во Вратчанском округе в качестве сельского участкового врача. А в те годы окружная служба в Болгарии во многом соответствовала земской службе в досоветской России. В течение первого года местом его жительства было село Смоляновцы, расположенное в предгорьях северо-западных отрогов Балканского хребта, в последующие три года – село Малорад, находившееся в Придунайской равнине.

“В описываемые годы окружная постоянная комиссия (учреждение, соответствовавшее русской губернской земской управе дореволюционных времен), открывая врачебные участки на селе, включала в свой бюджет только содержание врача, фельдшера и уборщика. Все остальные расходы по содержанию и функционированию его принимала на себя сельская община того села, где этот участок открывался: она отводила для амбулатории помещение, отапливала и освещала его, производила необходимый ремонт и т.д.

В большинстве случаев внешний вид этих амбулаторий был довольно убогий: обычно это была снимаемая общиной хата какого-либо зажиточного крестьянина. Оборудование ее, инструментов и маленькая аптека были примитивны. И все же эти сельские врачебные участки сыграли в истории болгарской медицины такую же громадную роль, как и в истории русской медицины старые земские больницы и амбулатории” /55/.

В таких условиях работали наши врачи-беженцы в сельской местности в тогдашней Болгарии. Живя в деревне, они не имели ежедневных контактов с эмигрантами. Три раза в неделю почтальон приносил им русские газеты - берлинский “Руль” и софийскую “Русь”.

На протяжении четырех, проведенных доктором Александровским на селе, лет он, с детства столичный житель, все отпуска проводил в Софии. Как и всем врачам, ему полагалась в году 30 отпускных дней. Александровский разбивал этот отпуск на три части и ездил в Софию три раза в год, каждый раз на 10 дней.

“И каждый раз за этот короткий срок я попадал из мира болгарского в мир русский. В те годы существовала своеобразная “русская София”, как впоследствии существовал “русский Париж”, первая, конечно, в неизмеримо меньшем масштабе, чем второй. В центре города на Московской улице находилась амбулатория так называемого “Русского

общества Красного Креста старой организации” с двумя десятками врачей и консультантов. Несколько поодаль, на улице Искъръ, - русский краснокрестовский хирургический госпиталь. Полтора десятка университетских кафедр занимали русские профессора” /64/.

Как в столице, так и в провинциальных городах работали врачи-беженцы, ставшие известными в Болгарии.

“Гинеколог профессор Рейн (Георгий Ермолаевич /1854-1942/ - К.В.) создал из софийского Майчина дома (Дом матери - К.В.) образцовое акушерско-гинекологическое учреждение современного типа. Одесский психиатр профессор Попов (Николай Михайлович /1854-1939/ - К.В.) реорганизовал постановку психиатрической помощи в столице. Участник Балканской войны 1912 года петербургский хирург Тылинский (Всеволод Михайлович /1876, Полтавская губ. - 1967, София/ - К.В.) впервые организовал в болгарской провинции квалифицированную хирургическую помощь. К нему в Михайловград (тогда Фердинанд - К.В.) стекались на операции больные из всей Северо-Западной Болгарии. В Софии было популярным имя главного врача русского краснокрестовского госпиталя хирурга Р.Ю.Берзина, к которому больные приезжали со всех концов Болгарии. В Варне славился гинеколог Смоленский (Владимир Петрович - К.В.), в Борисовграде - хирург Павлов-Сильванский (Леонид Николаевич /1881-?/ - К.В.)” /65/.

Материальное положение русских врачей в те годы в Болгарии было очень хорошим, а моральная атмосфера еще лучше, пишет мемуарист. Но, поддавшись общему настроению русской эмиграции, Б.Н.Александровский перебирается в Париж. Июньским вечером 1926 г. он простился с болгарской землей, дунайский пароход увозил его в Вену, оттуда - поезд в Швейцарию, а затем - Францию. 6 июня он прибыл в Париж.

Борис Николаевич Александровский дает картину тяжелой жизни наших эмигрантов во Франции, большинство из которых заняли в социальной лестнице низшую ее ступень, их бесправия и материальной необеспеченности. Русский Париж - *“это несколько десятков тысяч эмигрантов, расселившихся в мрачных трущобах 15-го городского округа и в прокопченном дымом фабричных труб парижском предместье Бийанкур” /160/. “Русский Париж” читал газеты только на русском языке, русские книги брал в русских библиотеках, по воскресеньям ходил в русские церкви, развлекался на бесчисленных русских благотворительных балах, вечеринках, танцульках, покупал за последние деньги билет на Шаляпина и на русскую оперу, посещал бесчисленные лекции и семинары русских докладчиков, лечился «в русских поликлиниках с полутемными закутками вместо кабинетов, но с русской речью вместо малопонятной французской” /161/.*

В 1920-1930-х гг. через Париж, пишет мемуарист, прошло свыше 400 русских врачей. Французские законы запрещали заниматься врачебной практикой лицам, не имеющим французского диплома. Однако не чинилось препятствий русским врачам лечить население “русского Парижа”. Б.Н.Александровский как раз стал одним из таких частнопрактикующих врачей.

Население “русского Парижа” организовало сотни самых разнообразных обществ, союзов и объединений. Во Франции их было почти 300. Устав их был почти всегда один и тот же – взаимная моральная и материальная поддержка. Среди многочисленных объединений, пишет мемуарист, созданных по принципу общности профессии, *“более всего подходящих под тип обычного профсоюза, не было единства: в них царили раздоры, борьба, склоки, интриги. Ущемленное самолюбие и тщеславие большинства членов этих профессиональных группировок неизбежно вело к погоне хотя бы за видимостью какого-то “положения в обществе”. Все тянулись к председательским местам (так уж все? - К.В.), всем хотелось играть какую-то роль, привлекать общее внимание и чувствовать свой особенный удельный вес (опять всем! - К.В.) /.../*

Царившие во всех без исключения (подчеркнуто мною - К.В.) эмигрантских обществах и союзах раздоры и склоки повели к тому, что профессиональные союзы раскололись каждый на два, три и больше отдельных, самостоятельных союза, открыто враждовавших между собою. Два общества сестер милосердия - одно “правое” и одно “левое”; два союза врачей; /.../” /165-166/.

Автор воспоминаний в приведенной цитате, используя прием гиперболы, пытается представить в неприглядном виде (а это он должен был сделать, раз хотел, чтобы его книга была издана у нас) жизнь эмиграции, пусть и *“/.../ не принимавшей активного участия в белом движении, но своим весом усилившей антисоветские позиции всей эмиграции в целом” /49/*. В эмиграции был представлен весь политический спектр, кроме большевиков. И поэтому понятно, почему образовывались консервативные и либеральные по направлению союзы (общества). Этим лишний раз доказывается, что эмиграция была политическая.

В тот же день и в тот же час в двух местах Парижа, пишет доктор Александровский, могли состояться заседания Общества и Союза русских врачей.

“- Что за чепуха! - воскликнет читатель. - Разве Общество русских врачей и Союз русских врачей не одно и то же? И почему два заседания в разных местах, но в одно и то же время?

Нет, в эмигрантском “государстве” это совсем не одно и то же. Две совершенно самостоятельные организации, два устава, два правления и две группы членов, постоянно поливающих друг друга грязью и осыпающих друг друга проклятиями.

- А что же они не поделили, будучи все до одного эмигрантами и живя в одном и том же городе? - продолжает свои удивленные вопросы читатель.

Нет, в эмигрантском “государстве” они не одинаковые. Одним казалось, что другие “слишком правые”, а этим последним казалось, что первые “чересчур левые”. Отсюда непримиримая вражда двух врачебных лагерей” /181/.

Вот так не особенно почтительно о своих коллегах и соотечественниках, но мы понимаем, что иначе о белой эмиграции нельзя было писать.

Доктор Александровский стал членом Общества русских врачей имени

Мечникова. 9 ноября 1930 г. парижская газета “Возрождение” поместила на своих страницах список членов Общества с указанием их специальности и, конечно, адресов и телефонов. В этом списке мы и находим фамилию мемуариста: “Александровский Б.Н. Внутренние болезни. 27, rue Cambronne. Tel.: Segur 94-31”⁷.

Борис Николаевич Александровский был участником Второго съезда объединения русских врачей за границей, в состав которого входили русские общества и союзы Франции, Великобритании, Болгарии, Чехословакии, Югославии, Эстонии, Нью-Йорка, Сан-Франциско, который проходил 14-18 ноября 1936 г. в Париже. Он даже был избран секретарем правления Объединения (Председателем стал проф. С.С.Абрамов)⁸.

“Как ни тяжело было юридическое и материальное положение русских врачей за рубежом, в них никогда не угасало стремление к научному совершенствованию и научно-литературной работе” /274/.

Так, в 30-х гг. в Париже выходил научно-медицинский журнал “Врачебный вестник”, основанный бывшим московским профессором патологоанатомом и бактериологом С.С.Абрамовым. *“Никаких средств на его издание не было. Но было среди его сотрудников непреодолимое желание иметь собственный журнал и пропагандировать за рубежом русскую медицинскую мысль. Все сотрудники его, начиная от редактора и кончая корректором, работали бесплатно. Но большие трех лет существования он выдержать не мог. Подписчиками были только русские зарубежные врачи и несколько владеющих русским языком врачей славянских стран. Подписная плата не могла покрыть расходов даже на бумагу и печатание. К тому же в те времена в ряде стран было введено запрещение перевода валюты за границу. Это еще более сузило круг подписчиков” /274/.*

“Наконец, было еще одно обстоятельство, которое отшатнуло от журнала целый ряд его подписчиков: его редактор С.С.Абрамов, ученый с крупным именем, с первых лет своей зарубежной деятельности заразился болезнью политиканства. В научном журнале стали появляться в отделе хроники заметки, подписанные его именем, ничего общего с наукой не имевшие. Абрамов, в молодости занимавшийся кроме науки еще газетным репортерством, перешел на политическую халтуру: он “специализировался” в издевательствах над советскими учеными, не щадя даже таких авторитетов, как ученый с мировым именем патологоанатом А.И.Абрикосов. Ему не нравилось решительно все, что происходило из Советского Союза, будь то крупная научная работа, вновь выпущенный советской фармацевтической промышленностью препарат или реформа медицинского образования.

Хорошее начинание было в корне испорчено. Дух истинной научной мысли отлетел от страниц “Врачебного вестника”. В 1933 году журнал прекратил свое существование” /274-275/.

Мне уже приходилось, и не один раз писать о проф. Абрамове (1878-1951), обладавшем даром прекрасного публициста. Всякий раз, читая что-либо, вышедшее из-под пера профессора, я поражался его точному пониманию советской жизни, которую он мог наблюдать только со стороны. Мемуарист же, описывая подвижническую работу Сергея Семеновича

Абрамова по изданию журнала, посчитал под конец необходимым пнуть его ногой, а иначе нельзя - он был антисоветчиком. Но белую эмиграцию - от консерваторов до либералов - критикой красной диктатуры во всех ее внешних проявлениях вряд ли можно было "отшатнуть" от журнала. Здесь автор явно не в ладах с истиной, но мы, конечно, понимаем, почему.

В другом месте своих воспоминаний Б.Н.Александровский еще раз возвращается к проф. Абрамову, точнее к супругам Абрамовым. *"С Ириной Э. (пианисткой - К.В.) мне неоднократно приходилось встречаться в Париже в доме одного из моих учителей студенческих лет, профессора С.С.Абрамова, жена которого, Л.И.Абрамова (Любовь Ивановна; умерла 9.06.1945 в Германии - К.В.), состояла тогда профессором Русской народной консерватории по классу пения. Абрамовы в течение второй половины 20-х и в 30-х годах устраивали у себя еженедельные музыкальные встречи и вечера, на которых за 15 лет перебивало великое множество эмигрантских певцов и музыкантов /.../" /301-302/.*

Да, еще о журнале *"Врачебный вестник"*. Наверное, сохранились только отдельные его номера. В Парижской Тургеневской библиотеке я имел возможность ознакомиться только с одной книжкой журнала⁹. Еще один номер я нашел в Латвийской национальной библиотеке - №5 (июнь) за 1931 г. В этом номере в разделе *"Обзор текущей печати"* помещена статья Б.Александровского *"К вопросу о распространении глистных заболеваний в России и о терапии trichoscephalus dispar"* (с.180-184), а в разделе *"Врачебные съезды и медицинские общества"* его же реферат о двух заседаниях - за 10 и 25 апреля 1931 г. - Societe de Medecine de Paris¹⁰.

Не лишены интереса разьяснения мемуариста о Русском народном университете в Париже.

"Университета, как обычно это слово понимается, конечно, не было. "Народный университет" - понятие особое. Когда-то, за несколько лет до первой мировой войны, на средства богача А.Л.Шанявского в Москве было основано первое в России учреждение, популяризовавшее в самых широких кругах населения знания по всем отраслям науки и техники путем лекций и семинаров. Называлось оно "Народный университет". <...> Никакого образовательного ценза от слушателей не требовалось, никаких факультетов не было и никакие дипломы не выдавались. Каждый выбирал себе тот цикл лекций, который его интересовал; каждый пополнял свое образование как хотел и как умел.

По образцу этого популярного в свое время "университета Шанявского" престарелый петроградский общественный деятель Дмитриев и ученый-историк Одинец (в 1948 году вернувшийся на родину) основали в Париже вышеупомянутый "Народный университет", просуществовавший много лет.

Своего отдельного здания /.../ он, конечно, не имел. Находился он на узкой и извилистой улице Севр, на стыке 6-го округа и 15-го («русского»), во дворе, на втором этаже старого, прокопченного здания, в котором сдавались в наем частные квартиры. Узкая деревянная лестница вела в помещение этого университета. Аудиторий в нем не было, в самую большую лекционную комнату можно было с трудом втиснуть 50-60 человек. Но

посещался он эмигрантами охотно, так как давал довольно много прикладных знаний, оказавшихся полезными в тяжелой борьбе за существование” /177-178/.

В этом Народном университете, находившемся в 15 округе по адресу 163, rue de Sevres, - преподавал, между прочим, и сам доктор Александровский, хотя в воспоминаниях он об этом не пишет. Так, в 1932 г. он прочел там лекцию *“Роль индивидуума, общества и государства в борьбе с туберкулезом”*¹¹.

В 1934-1937 гг. в течение летних месяцев, пишет автор, он замещал штатного врача убежища для престарелых эмигрантов Э.Н.Бакунину в местечке Сент-Женевьев-де-Буа, что в 50 километрах от Парижа [12]. Описывает *“тени рухнувшего в бездну мира”*. Время шло и постепенно призреваемые в этом *“Русском доме”* уходили в мир иной. Их начали хоронить на русском кладбище, для которого муниципалитет отвел обширную территорию.

“Родственники умерших в Париже эмигрантов отдавали все, что имели, чтобы похоронить прах близкого человека на этом кладбище, которое в их представлении стало чем-то вроде уголка старой России.

Если вам, читатель, случится быть в Париже, то после того, как вы покончите с осмотром его достопримечательностей и с вашими личными делами, пройдите на площадь Данфер-Роширо, сядьте в автобус, идущий в Сент-Женевьев-де-Буа и попросите кондуктора (он же и водитель) остановиться около “Русского дома”. Вы издали увидите позолоченный крест кладбищенской церкви, построенной в стиле древних новгородских храмов на средства, пожертвованные Рахманиновым. Прогуляйтесь по посыпанным песком дорожкам кладбища и прочитайте надписи на могильных крестах. Перед вашими глазами пройдет весь канувший в вечность старый мир, о котором вы слышали по рассказам и читали в книгах” /204/. На этом я обрываю цитату, дальше недобрые слова об изгнанниках, которые я не хочу приводить здесь.

Что к этому добавить? Я сказал бы так. Безусловно, гробница Наполеона в Доме инвалидов в центре Парижа впечатляет, но если вы стоите перед альтернативой, куда пойти в оставшееся у вас время, то выбирайте не Дом инвалидов, а поезжайте в Сент-Женевьев-де-Буа. Туда сейчас ходит поезд метро, за городом выходящий на поверхность и идущий берегом Сены, а с вокзала местечка - автобус, где водителем (он же кондуктор) будет выходец из черной Африки, довезет вас до самого кладбища. Когда же Вы будете возвращаться, Вас, возможно, до вокзала подбросит на своей машине один из потомков нашедших вечный покой на русском кладбище, который приехал сюда в тот же день, что и Вы. Так случилось со мной, когда в июльский воскресный день я пришел поклониться праху изгнанников.

Со знанием дела автор знакомит нас с зарубежными русскими композиторами, певцами и артистами, несколько бегло - с писателями и художниками. О писателях пишет, что и этот, и тот, и следующий - все антисоветчики. Кроме одного, конечно Куприна, который приехал на родину умирать. Талант остальных *“увял”*, *“завял”*, они *“погубили за рубежом свой талант или обезличили его”*, что и требовалось доказать.

Здесь уместно привести мнение члена Французской академии французского писателя Анри Труайя: *“Испытания, выпавшие на долю этих российских изгнанников (писателей - К.В.), еще более обострили их чувства, сделали их талант более зрелым, и ностальгия по исчезнувшим далям возвысила их души. Они писали лучше, чем когда-либо”*¹³.

Доктор Александровский пишет, что с первых дней Второй мировой войны он в порядке совместительства вел амбулаторный терапевтический прием в бесплатной русской амбулатории на улице Оливье де Сера, в центре “русского Парижа” (15-й округ). Описывает Париж до оккупации, во время и после нее.

14 июня 1946 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о предоставлении советского гражданства всем желающим эмигрантам, потерявшим его в предыдущие годы. Автор воспоминаний был среди тех русских парижан, которые приняли советское гражданство (“советские патриоты”). В конце лета 1947 г. в посольстве СССР во Франции было получено постановление Совета Министров СССР об очередной отправке репатриантов, выразивших желание вернуться на родину.

Погрузка репатриантов проходила в отдельный эшелон, поданный на Восточный вокзал. Раздается сигнал к отправке. *“Прощай, Париж, великолепный город, надолго приютивший нас, но оставшийся чужим и нелюбимым”* /371/. Наконец, польско-советская граница. *“Все до одного высыпают из вагонов. Головы обнажаются. Слезы туманит взор. Слов не слышно. И не нужны они /.../”* /372/. А читателю хочется, чтобы всем этим людям, обнажающим головы при виде родной земли и попадающим под колпак советской тайной полиции у себя на родине, не встретился на жизненном пути ретивый агент, строчащий доносы (стукача ленивого и незлобивого) и главное, чтобы держали они язык за зубами в своей отчизне любимой.

Жил Борис Николаевич Александровский в Саратове, так как, надо думать, в родном городе коренному москвичу прописаться не разрешили. Воспоминания его помечены так: Саратов, 1957-1960. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

Я не беру на себя дерзости бросить в мемуариста камень упрека или в какой-либо мере осудить его. Но, читая его воспоминания, мы должны всегда помнить в какое время, где и под каким идеологическим прессом они писались. Вместе с тем, они содержат много интересного из жизни и деятельности нашей политической эмиграции, той эмиграции, которая была приговорена советской властью к вечному забвению и о которой пытался рассказать нам автор, и мы за это ему благодарны.

¹Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. - М., 1969.

²Николай Иванович Александровский. 1 апреля 1900 г. Некролог // Детская медицина. 1900. - Т.5. - №3. - С.234-235.

³Там же. - С.235.

⁴Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). - Ф.418. - Оп.326. - Д.33. - Л.5.

⁵Там же. - ЛЛ.1-18. (Личное дело студента Б.Н.Александровского).

⁶О медиках первой волны в Турции см.: Васильев К.К. Эмиграция российских врачей

в Турцию (1919-1923 гг.) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и история медицины. - 2004. - №1. - С.45-46.

⁷Адреса русских врачей членов Общества имени Мечникова // Возрождение. - 1930. - 9 ноября. - №1986. - С.5. В изданном в следующем году *“Русском альманахе”* (Париж, 1931. - С.306) указан другой дом, но на той же улице и тот же телефон: “Александровский Б.Н. Внутренние болезни. 4, rue Cambronne. Tel.: Segur 94-31”.

⁸Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920-1940. Франция (РЗ). - М., 1996. - Т.3. - С.243 (составителями Хроники Б.Н.Александровский ошибочно назван профессором).

⁹В сводном каталоге периодических изданий русской эмиграции в Европе (*L'emigration russe en Europe. Catalogue collectif des periodiques en langue russe. 1855-1940.* - Paris, 1990), в котором представлены сведения о 85 библиотеках 14 стран Европы, отмечен только этот 2-ой номер *“Врачебного вестника”* за 1931 г.

¹⁰*Александровский Б.* Societe de Medecine de Paris. Заседания 10 и 25 апр. 1931 г. // *Врачебный вестник.* - 1931. - №5. - С.187-190.

¹¹РЗ. - М., 1995. - Т.2. - С.340.

¹²Эмилия Николаевна Лопатина-Бакунина (1875-1960, Париж) в течение 23 лет состояла врачом русского дома в Сент-Женевьев-де-Буа, была участницей движения Сопротивления, награждена французским Военным Крестом 1939-1945 года.

¹³*Труайя А.* Выставка русского искусства в изгнании во Франции: 1920-1970 // *Ренэ Гера.* Они унесли с собой Россию... Русские эмигранты - писатели и художники во Франции (1920-1970). - СПб., 2003. - С.192.

РЕПУБЛІКАЦІЇ

В числе родившихся в 1861 году было: двойней в г.Харькове 25 случаев, в уезде онаго - 39, мертворожденных 18; в г.Валках 13 двойней, мертворожденных 8, в уезде онаго 12 двойней, мертворожденных 4; в г.Лебедине 6 двойней, в заштатном г.Недригайлове 5 двойней, в Лебединском уезде 20 двойней, мертворожденных 4; в г.Богодухове 5 двойней, в заштатном г.Краснокутске 6 двойней, в Богодуховском уезде 55 двойней и один случай тройней, мертворожденных 11; в г.Змиеве 1 случай двойней, в уезде онаго 28 двойней; в Волочанском уезде 20 двойней, мертворожденных 4; в г.Купянске 7 двойней, в уезде онаго 42 случая двойней; в заштатном г.Славянске 11 двойней и 1 случай тройней, в Изюмском уезде 51 случай двойней; в г.Ахтырке 5 двойней, мертворожденных 1, в Ахтырском уезде 19 двойней, мертворожденных 3; в г.Сумах 6 двойней, в заштатном г.Белополье 5 двойней, мертворожденных 2, в Сумском уезде 19 двойней, мертворожденных 3; в г.Старобельске 5 двойней, мертворожденных 8, в Старобельском уезде 122 случая двойней.

Обзор Харьковской губернии. - 1863. - С.103.